

УДК 070.4(430)“17-18”

DOI: 10.17223/19986645/44/11

А.А. Серебряков, О.И. Лепилкина, С.В. Серебрякова

«BERLINER ABENDBLAETTER» ГЕНРИХА ФОН КЛЕЙСТА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются варианты формирования профессиональной немецкой журналистики на рубеже XVIII–XIX вв. На широком эпистолярном материале анализируется редакторская деятельность выдающегося немецкого писателя Генриха фон Клейста, история его взаимоотношений с прусскими властями и цензурой. Представлены результаты исследования типологической специфики и контента издаваемой им региональной ежедневной газеты «Berliner Abendblaetter». Делается вывод о ее принадлежности «издательско-редакторским газетам».

Ключевые слова: история немецкой журналистики XVIII–XIX вв., «издательские» газеты, «издательско-редакторские» газеты, «Berliner Abendblaetter», Г. фон Клейст.

В истории немецкой журналистики вторая половина XIX в., особенно 1880-е гг., часто осознается в качестве периода становления журналистики как самостоятельной профессии [1]. При этом учитываются такие внешние индикаторы, как статистические данные занятости и финансов, структура, содержание газетных статей, специфичность регулирующих механизмов, возникновение и формирование профессиональных сообществ. Если же в качестве индикатора считать ориентированное на принцип публичности (Oeffentlichkeit) и идею профессиональной независимости *самосознание*, то очевидно, что процесс профессионализации журналистики начинался гораздо раньше: в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. с политической публицистики Дж. Свифта, Д. Аддисона и Д. Дефо; в Германии – в конце XVIII – первой трети XIX в.

Предметом рассмотрения в данной статье являются характерные для немецкой журналистики рубежа XVIII–XIX вв. тенденции, свидетельствующие о формировании представлений о журналистской деятельности как самостоятельном, профессиональном виде социальной практики, рассматриваемые на примере журналистской деятельности Генриха фон Клейста (1777–1811).

Дитер Баумерт в 1928 г., рассматривая методологические основания развития немецкой журналистики, предложил наряду с «преджурналистским» этапом, продолжавшимся примерно до середины XVI в., выделять три самостоятельных периода: период «корреспондирующей» журналистики – примерно до середины XVIII в.; период «писательской» (schriftstellerisch) журналистики – до 1848 г., и, наконец, длящийся с этого времени период «редакторской» (redaktionell) журналистики [2]. Если предложенную Баумертом схему рассматривать не как механически сменяющиеся друг друга фазы, а как взаимодействующие и изменяющиеся, доминирующие на определенном ис-

торическом отрезке, то на нее вполне можно опираться в исследованиях как ранних, так и современных этапов редакторской журналистики. Под «корреспондентской» журналистикой Баумерт понимал нахождение, собирание и опубликование полученных преимущественно из письменных источников известий или даже слухов. В этом смысле «журналистами» могли выступать почтальоны, печатники, которые полученные тем или иным образом сведения накапливали и публиковали без какой-либо редакционной правки. Оценка сведений, рассуждения о значимости и содержании информации в таких газетах (*Avisenzeitungen*) полностью отсутствовали, будь то вследствие низкой профессиональной квалификации «редакторов» или строгости цензуры. Тем интенсивнее, однако, они проявлялись в приходящих на смену «писательских» газетах.

Для столетия с 1750 г. по 1850 г. такое разделение на два типа изданий представляется логичным [3]. Однако более обоснованно, на наш взгляд, рассматривать периодические издания как издательские и издательско-редакторские. Такое разграничение основывается прежде всего на сравнительно ясном признаке ответственности за издание (в функции издателя входило прежде всего организационное и финансово-техническое обеспечение выпуска изданий; издатель-редактор наряду с этим отвечал за идеологическую и творческую часть) и позволяет избегать возникающих имплицитных оценочных смыслов, например, при использовании таких номинаций, как «*Schriftstellerzeitung*» или «*Individualzeitung*». К тому же такая дифференциация дает возможность не вдаваться в детальные различия между такими типами периодических изданий, как «*Zeitung*» (газета) и «*Zeitschrift*» (журнал), неактуальные для Германии конца XVIII в. Периодичность выхода, которая является значимым критерием для их разграничения, для того исторического периода не показательна, поскольку многие издания, которые по формату и содержательному наполнению следовало бы определять как «*Zeitung*», выходили реже, чем часть изданий, которые по объему и содержанию публикуемых статей скорее приближались к «*Zeitschrift*». Современники использовали эти обозначения почти как полные синонимы (см.: [4]).

Для газет, обозначаемых как «издательские» (*Verlegerzeitung*), первоственной задачей всегда оставалось сохранение финансовой основы и тем самым возможности их дальнейшего существования. Невероятная жизнеспособность не только таких газет, как «*Vossische Zeitung*», «*Koenigsberger Zeitung*», «*Leipziger Zeitung*», «*Magdeburgische Zeitung*», «*Schlesische Zeitung*», но и гораздо менее известных, издававшихся в маленьких провинциальных городках, объяснялась тем, что из поколения в поколение они находились во владении одних и тех же издательских семейств, которые преследовали главным образом извлечение экономической выгоды и поэтому стремились к сохранению издаваемых газет. В сравнении с выпускаемыми или редактируемыми такими публицистами, как В.Л. Векрлин, Й. Гёррес, И. Вирт, изданиями этот тип газет доставлял современникам довольно пресную пищу. Таким образом, не может быть никакого сомнения, что интеллектуальное содержание «издательско-редакторских» газет во всех отношениях было неизмеримо выше, чем у «издательских». Этим объясняется и тот факт, что первым доставалось несравненно больше внимания в научной ли-

татуре. Однако несмотря на то, что «издательско-редакторским» газетам приписывалось гораздо большее значение в процессе формирования общест-венности и общественного мнения (Oeffentlichkeit), «издательские» газеты сыграли не меньшую роль в возникновении и распространении собственно профессии журналиста. Освобождение от непосредственных экономических проблем хотя и не исключало полностью обязательства выполнять во многом экономически обусловленные требования издателя, но тем не менее позволяло заниматься журналистикой уже профессионально. На такой почве и возникла «издательско-редакционная» журналистика, которую Баумерт относил только к середине XIX в., но которая фактически, пусть и медленнее, чем в Англии или Франции, появилась уже с конца XVIII в. и особенно ускоренно развивалась после революционных событий 1830 г.

Как «издательско-редакторские» газеты рассматривались все те издания, которые начиная от «Deutscher Merkur» Х.М. Виланда, «Deutsche Chronik» Х.Д. Шубарта, «Journal von und fuer Deutschland» Г. фон Гёкингка через «Rheinischer Merkur» Й. Гёппеца, «Nemesis» Г. Лудена вплоть до «Westboten» Ф. Зибенпфайфера, «Deutsche Tribuene» И. Вирта, «Telegraph fuer Deutschland» К. Гуцкова организационно, финансово, идеологически являлись неразрывным целым с именем их основателя-редактора. Они были, как правило, недолговечны. Единоличный редактор – или в некоторых случаях коллективный – нес всю полноту ответственности за все аспекты предприя-тия. Именно редактор в случае угрозы закрытия принимал решение об изменении идейного содержания издания. В случае же реального закрытия имелась возможность переноса его печатания в другое немецкое государство, как, например, это дважды делал для сохранения издания йенский профессор медицины Лоренц Окен, научный журнал которого «Isis», основанный в 1816 г., подлежал закрытию в соответствии с Карлсбадскими соглашениями. Однако это удалось ему только потому, что он отказался от освещения поли-тических вопросов в пользу естественных наук. Нечто аналогичное (правда, безуспешно) пытался предпринять и Л. Бёрне. Однако гораздо чаще, чем от административных запретов, в Германии подобные единоличные газетно-журнальные предприятия прекращали существование из-за очевидного не-достатка финансовых ресурсов, как наглядно показала редакторская деятель-ность Клейста.

В истории немецкой культуры немало великих писательских имен, ока-завших влияние на становление и развитие всей европейской журналистики, публицистики, издательского дела. К их числу принадлежат М. Лютер и Т. Мюнцер, Г.Э. Лессинг и И.Г. Гердер, И.В. Гёте и Ф. Шиллер, позднее – Г. Гейне, Г. Веерт, Т. Фонтане, братья Т. Манн и Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Г. Бёлль. В этом далеко не полном ряду блестящих имен достойное место должно принадлежать и Генриху фон Клейсту, в творчестве, жизни и самой смерти которого в полной мере проявилась судьба немецкого гения, не при-знанного своими великими современниками и не сумевшего пережить тра-гизм поражения Германии в войне с Наполеоном. Если, несмотря на уничи-жительную оценку великого Гёте, снисходительное одобрение Брентано, Клейст-поэт признаётся как активный и деятельный представитель немецкой литературы, то Клейст-журналист почти неизвестен русскому читателю.

В отечественной германистике представления о журналистской и редакторской деятельности Клейста, как правило, отрывочны и противоречивы. Так, в академической «Истории немецкой литературы» просто утверждается: «Ближайшие годы после освобождения из французской тюрьмы (1808–1811) заполнены литературной деятельностью и борьбой против иностранных оккупантов. Вместе с Мюллером Клейст издаёт журнал «Феб» («Phoebus»), в котором печатает отрывки из своих новых произведений, а затем «Берлинскую вечернюю газету» (Berliner Abendblaetter), отличающуюся националистической тенденцией» [5. С. 180]. Н.Я. Берковский пишет более объективно: «В 1810 году под главенством Клейста выпускается антифранцузский «Берлинский вечерний листок»... просуществовавший недолго из-за равнодушия читателей. Хотя как публицист и журналист Клейст остался почти без отклика, тем не менее, опыты его в этой области полны остроты и энергии, он здесь был на редкость инициативен и изобретателен, умел оживлять свой репертуар» [6. С. 398]. В контексте событий гражданской, политической и культурной истории оценивает деятельность Клейста-журналиста известный историк немецкой журналистики Г.Ф. Вороненкова: «Наполеон, оккупировавший немецкие земли, после официального введения цензуры во Франции в 1810 г. ужесточил цензурную регламентацию прессы и в Германии. <...> Декреты 1810 г. и дополнения 1811 г. ввели строгие цензурные правила, окончательно отобравшие у немецкой печати самостоятельность. Указом императора предписывалось сокращение количества газет, издаваемых в каждом департаменте Французской империи, – до одной. <...> То, что это возымело действие и на оккупированных территориях, доказывает следующий пример: правительство Пруссии запретило газету, издаваемую Генрихом фон Клейстом «Berliner Abendblaetter» («Берлинские вечерние листки»). В Пруссии и в Австрии периодические издания были вынуждены воздерживаться от политических комментариев, ставивших под угрозу само существование издания. Печать была обречена на развлечение читателя лёгким, поверхностным чтением» [7. С. 75]. Г.Ф. Вороненкова констатирует, таким образом, что условия для функционирования и развития периодических изданий во времена Клейста были неблагоприятными как из-за противодействия оккупационных властей, так и из-за трусливой внутренней политики немецких правителей, и эти факторы в полной мере проявились в журналистской судьбе Клейста.

В целом журналистская деятельность отвергнутого современниками (и прежде всего законодателем немецкого театра самим Гёте) Клейста-драматурга, не чуравшегося и журналистской работы, и ныне на периферии исследовательских интересов. Изучение в течение почти двух столетий наследия Клейста почти ничего не прибавило к распространённым – и неверным – представлениям о Клейсте-редакторе и фактически единственном корреспонденте «Abendblaetter», кроме расхожего мнения, будто это всего лишь работа ради хлеба насущного одержимого идеей смерти Клейста. Исследователи пролистывали страницы его газеты только в поисках его художественных текстов. И таковых нашлось немало; уже первый номер начинался «Молитвой Зороастра»: «Пройми же меня всего, от головы до пят, чувством беды, которой болен этот век. И разумением всей подлости, всей половинчатости, всей неправды и всего лицемерия, которые тому причиной» [8. С. 508].

А.В. Карельский справедливо отмечал, что молитва имеет характер «программного кредо Клейста и как писателя, и как издателя газеты» [8. С. 538]. «Молитву следует рассматривать во взаимосвязи с написанной годом ранее сатирической статьёй «Учебник французской журналистики» и «Катехизисом для немцев» с характерным подзаголовком «abgefasst nach dem Spanischen zum Gebrauch fuer Kinder und Alte», направленными на пробуждение идеи борьбы с французской оккупацией. Своих соотечественников Клейст характеризует как бездуховных индивидуалистов: «Что им дороже всего, что они любят непомерной и нечистой любовью? – Деньги и имущество. Об них они хлопочут в поте лица своего, так что поистине жалко на них смотреть, и полагают, что спокойная, уютная и беззаботная жизнь есть все, к чему надобно стремиться на свете» [9. С. 151]. В последующих номерах газеты были опубликованы новеллы «Локарнская нищенка», «Святая Цецилия, или Власть музыки», эссе «О театре марионеток». Прусские придворные круги не препятствовали журналистской деятельности Клейста, пока она, хоть и опосредованно, совпадала с интересами прусской монархии.

В настоящее время история возникновения и существования газеты «Berliner Abendblaetter» («Берлинский вечерний листок») достаточно известна: «первая ежедневная газета Берлина» [7. С. 82] была региональным изданием, выходила на протяжении шести месяцев, с 1 октября 1810 г. по 30 марта 1811 г., ежедневно, кроме воскресенья, в скромном четырёхполосном варианте небольшого формата и не очень высокого качества печати. Клейст, до этого времени имевший опыт сотрудничества с Адамом Мюллером в журнале «Феб», публиковал самые различные тексты, например новеллы, анекдоты, рецензии, местные новости, а до 31 декабря 1810 г. и выдержки из ежедневных донесений берлинской полиции, т.е. ориентировался на самую широкую читательскую аудиторию. Большая часть публикаций принадлежала перу самого редактора, который основательно редактировал и немногочисленные присылаемые материалы, и информационные сообщения из других периодических изданий. Таким образом, данная газета обнаруживает признаки «издательско-редакторской».

Как оказалось, первоначальный успех был кратковременным – и из-за ужесточённых цензурных условий, и из-за конфликтов с партнёрами или сотрудниками. Так, спустя всего три месяца отказался печатать газету и поддерживать Клейста финансово Юлиус Хитциг, сделавший завидную служебную карьеру в прусском юридическом ведомстве, литератор, издатель, успешный основатель специальных юридических журналов. К этому его побудили материальные причины и политическая осторожность. Клейст в письме к В. Рёмеру от 17 декабря 1810 г., прося об авансе в 50 талеров и предлагая ему взять на себя после отказа Хитцига обязанности по печатанию газеты, наивно продолжал верить в «надёжность и дальнейшие перспективы предприятия» [10. С. 466–467].

В последнем, 76-м, номере Клейстом была помещена редакционная заметка следующего содержания: «Причины, которые здесь в подробностях не могут быть изложены, побуждают меня этим номером прекратить издание газеты. Читательской публике в другом месте будет представлен обзорный очерк реальных причин в сопоставлении с очевидно предполагаемыми, вкупе

с исторической диспозицией, возможными расхождениями. Г. фон К.» (перевод наш) [11. С. 304].

Анализ информационной политики издания показал, что Клейст делал его универсальным по содержанию, что было закономерно в условиях оккупационного режима и строгой цензуры. Так, в 30-м номере от 30 ноября 1810 г. на первой странице помещалось стихотворение издателя и главного редактора «Легенда в манере Ганса Сакса, далее иронически сообщалось о «странном недосмотре» в королевском национальном театре, когда после «единственной серьёзной оперы в мире», «Ифигении в Тавриде» Глюка, всё же ставятся танцы из балета «Оперный портной» для «великого», хотя и «не ожидаемого публикой увеселения» [11. С. 121]. Затем размещались две морализаторские эпиграммы сотрудника газеты Карла фон Вольтманна, а за ними – самая важная часть издания – рубрика «Miscellen» («Смесь»), в которой Клейст публиковал в том числе любопытные политические факты из немецких и иностранных газет, доступ к которым в тех условиях имели очень немногие. В качестве источников актуальной информации Клейст использовал около пятидесяти газет: берлинскую «Vossische Zeitung», гамбургскую «Privilegierte Liste der Boersen-Halle», парижскую «Moniteur Universel», нюрнбергскую «Korrespondent von und fuer Deutschland», швейцарские и многие периодические издания ближайших немецких городов.

Для успокоения французской военной цензуры в рубрике «Смесь» были сведения из светской хроники о том, что графиня де Монтескье назначена воспитательницей императорских детей, помещалась заимствованная из номера «Korrespondenten von und fuer Deutschland» от 16 марта 1811 г. курьёзная информация: «В Париже ныне показывают десятилетнего ребёнка, весящего 240 фунтов; немало, если только его кое-где не утяжелили свинцом» [11. С. 288]. Склонность к подобным грубоватым кунштюкам придаёт особое своеобразие журналистской манере Клейста и напоминает знатокам его творчества аналогичные пассажи в драматургии, новеллистике, анекдотах, которые, «корреспондируя с «большими текстами», придают динамизм национальному литературному процессу, попеременно выступая в качестве текстов-реципиентов и интерпретирующих текстов» [12. С. 168].

Другую информационную нагрузку несли политические известия, например небольшое сообщение, публикуемое из осторожности со ссылкой на «Privilegierte Liste der Boersen-Halle»: «В Российской империи в ближайшее время будет произведён чрезвычайный рекрутский набор» [11. С. 122]. Такая информация в 1810 г. явно отдавала если не бунтом, то неповиновением.

Рубрика «Смесь» заставляет задуматься над вопросом, как должен вести себя журналист, работающий в условиях иностранной оккупации и желающий публиковать в обход цензуры всё, на его взгляд, самое важное. Испытанный в истории метод: он публикует два агентурных сообщения: одно неприятное для властей и здесь же другое – смягчающее смысл первого – для цензуры. Аналогичным образом действовал и Клейст. Так, он поместил на первый взгляд безобидное, однако наполненное духом сопротивления оккупационным властям сообщение: «Из частных источников в Париже известно, что генерал Реньё отгеснён превосходящими силами противника от португальской границы и вынужден был отступить, понеся значительные

потери» [11. С. 122]. А рядом, чтобы не навлекать гнев военной цензуры, разместил информацию со ссылкой на официальное французское издание: «Moniteur от 24 октября опубликовал два письма дивизионного генерала Друэ... об удачном продвижении императорских войск в Португалии» [Там же]. Для многих страдающих от бремени оккупации немцев, умеющих сопоставлять информацию из независимых и официальных источников, в этих сообщениях брезжил луч надежды на освобождение. С современной точки зрения Клейст достаточно уравновешенно информировал читателей о боях между Веллингтоном и французским маршалом Массеной, но и эта «уравновешенность» в конечном счёте не уберегла его от преследований военной цензуры. Нашёлся человек, который ясно понимал содержащийся в такой подаче материала дух бунтарства и неповиновения: уже в первый день выхода газеты Клейста французский посланник принёс протест прусскому министру иностранных дел графу фон дер Гольцу в связи с выходом нелояльного издания.

Однако в первое время дела у редактора «Berliner Abendblätter» внешне складывались вполне благополучно. Он был дружен с влиятельным полицейским президентом Берлина фон Грунером, и для этого были основания: редактор Клейст уже в специальном выпуске, предварявшем первый номер нового издания [11. С. 5], поместил хвалебное, в духе XVII в., обширное посвящение главе полицейского ведомства Берлина: «Президентом Королевской полиции, господином Грунером, который поддерживает всякое общественно полезное мероприятие со всевозможной благосклонностью и готовностью, мы поставлены в положение в подобных специальных выпусках, так же, как и в первом, безотлагательно, подробно и достоверно сообщать обо всём, что происходит в городе и его окрестностях с точки зрения полиции диковинного и интересного» [Там же]. Действительно, Клейст часто, особенно в первых номерах газеты, использовал материал ежедневных и еженедельных донесений берлинской полиции. Местная проблематика, безусловно, способствовала привлечению внимания читателей.

Вскоре, однако, возник закономерный и заурядный для Пруссии и Германии конфликт между обер-полицейским и поэтом, который еще в 1799 г. добровольно, а главное в нарушение незыблемых семейных традиций, совершил немислимый по тем временам поступок – снял с себя форму прусского лейтенанта, чтобы стать студентом и писателем. Грунер как представитель власти предупреждал Клейста о необходимости строгого соответствия цензурным правилам, а тот уже в следующем номере «успокаивал» насторожившееся начальство явно иронически поданным известием, которое его противники должны были воспринимать как опровержение: «Стало известно, что прибывший в минувший четверг в Берлин французский курьер опроверг слух, согласно которому французские войска в Португалии понесли потери, и, наоборот, передал известие о победе» [11. С. 126].

Следует сделать небольшое дополнение, на которое не обращает внимания никто из исследователей «Berliner Abendblätter», но которое характеризует Клейста как политически искушенного и безупречного с позиции профессиональной этики одновременно: Клейст-редактор не забывал о коллегах-журналистах, которым он был обязан информацией и которых он своей пере-

печаткой мог поставить в затруднительное положение. Так, 5 декабря 1810 г., т.е. спустя месяц после протеста французского посланника, Клейст с большим достоинством поместил в самом начале информационной полосы, названной «*Buelletin der oeffentlichen Blaetter*», сообщение, которое уже тогда было понятно очень немногим (но очень понятно французскому цензурному начальству) и которое может восприниматься как акт оппозиционности и политического диссидентства. Клейст очень смело для наводнённой секретными агентами Наполеона Пруссии опубликовал сообщение, маскируя его с помощью ссылки на источник под безобидную цитату из иностранного издания: «Издатель «*Schweizerische Nachrichten*» из-за публикации статьи Беленца, касающейся кантона Тессин, заключён в тюрьму» [11. С. 226]. Таким способом Клейст старался защитить своего информанта, ведь первое сообщение (о поражении наполеоновской армии в Португалии) он взял из выходящей в Берне «*Gemeinnuetzige Schweizerische Nachrichten*».

Непродолжительная история издательской деятельности Клейста – это история непрекращающегося противостояния с прусскими цензорами, ставившими Клейста в финансовую пропасть. Поистине трогательны и беспомощны попытки жившего в мире высоких иллюзий и возвышенных страстей поэта справиться или хотя бы на время избавиться от вполне материальных повседневных тягот, связанных с издательским производством и унижительным «добыванием» средств к существованию. Тема денег, вернее их отсутствия, становится особенно характерной в переписке Клейста в последние годы жизни, особенно накануне открытия и закрытия газеты. Обращаясь к своему другу, книготорговцу Георгу Реймеру, 13 августа 1810 г, Клейст вынужден просить денег: «Мой любезный друг, настали плохие времена; я знаю, что много дать Вы не сможете, но дайте хоть сколько-нибудь, я буду всем доволен, только дайте скорее» (перевод наш) [10. С. 450]. Та же просьба и в написанном два дня спустя письме к книготорговцу И. Зандеру: «Не могли бы Вы, дорогой друг, сообщить, когда я могу получить гонорар? И мог ли бы я получить сразу?.. Вышлите мне так много или так мало, сколько пожелаете; я буду рад всему» (перевод наш) [10. С. 450]. 4 сентября того же года в письме к уже упоминавшемуся Г. Реймеру Клейст снова просит денег: «Мой добрый друг Реймер, я прошу денег, если только Вы можете дать; мой кошелек пуст» (перевод наш) [10. С. 452].

Начиная с декабря 1810 г. в письмах Клейста всё более явственно обозначается тема преследования и организованной травли со стороны правительства. Показательно в этом отношении письмо к Реймеру от 12 декабря, в котором вновь сообщается о недостатке средств из-за тяжёлого состояния газеты: «...её разрушение организовано в полной мере, меня даже уведомили о запрещении информационной рубрики. Я намерен обратиться непосредственно к королю...» (перевод наш) [10. С. 454]. Письмо от 13 декабря 1810 г. к «высокородному господину правительственному советнику фон Раумеру» сообщает о якобы преодолённых в результате аудиенции у канцлера фон Гарденберга разногласиях с правительством – правительство в лице канцлера обещает финансовую поддержку – «как в начале предприятия поддержка г. президента полиции фон Грунера», а Клейст обещает, «что никакая другая информация, кроме соответствующей интересам Его превосходительства,

публиковаться не будет» (перевод наш) [10. С. 462–463]. Однако уже 13 февраля Клейст вынужден вновь обратиться к канцлеру фон Гарденбергу с достаточно подробными разъяснениями сложной и запутанной ситуации вокруг редактируемой им газеты. Для нас важную роль играет излагаемая Клейстом собственная оценка проблемы: «...такая наполовину министерская газета, которую я редактирую в соответствии с целями государственной канцелярии, никоим образом не может существовать без определённой поддержки посредством официальных дотаций. Реализация упала ниже среднего уровня» (перевод наш) [10. С. 469]. Предложения Клейста: «...или так обеспечить финансово в текущем году газету, чтобы были покрыты расходы моего книгопродавца, или, если это не соответствует намерениям господина канцлера, правительство берёт на себя покрытие упомянутых ранее оспариваемых 1100 рейхсталеров...» (перевод наш) [10. С. 470]. Как оказалось, эта оживлённая переписка ни к чему не привела, и уже 21 февраля 1811 г. в письме к фон Раумеру Клейст открыто обвиняет этого высокопоставленного чиновника в «уничтожении газеты» («die Zugrundrichtung des Abendblatts») и предупреждает, что если тот по-прежнему будет разубеждать канцлера в справедливости претензий Клейста на возмещение понесённого ущерба, то Клейст «ещё до прекращения издания газеты, которое должно вот-вот последовать, опубликует всю историю вокруг газеты за границей» (перевод наш) [10. С. 472].

Советник ответил в тот же день посланием из четырёх пунктов – кратко и предельно ясно: « 3) Обсуждать с господином канцлером «За или против» у меня нет никаких поводов, так как проблема уже достаточно обсуждалась; более я не буду письменно реагировать на Вашу неправоту, потому как могу лучше использовать своё время; 4) Публикуйте то, за что сможете отвечать» (перевод наш) [10. С. 472].

Получив столь резкий отказ, Клейст на следующий же день, т.е. 22 февраля 1811 г., вновь обращается с пространном письмом к канцлеру, в котором снова напоминает, что «газету следует считать наполовину относящейся к министерству... и во всём, что касается законодательства и финансового управления, она находится под особым наблюдением министерства. И только абсолютно непосвящённый может утверждать, будто в вопросах издания я не был ограничен, потому как чрезвычайные меры, вынудившие меня полностью изменить дух газеты, слишком хорошо известны всем» (перевод наш) [10. С. 473]. В конце письма Клейст «покорнейше» напоминает о своём прошении относительно возмещения понесённого ущерба.

В этот же день, т.е. 22 февраля, Клейст сообщает фон Раумеру, что переслал канцлеру копию касающегося фон Раумера послания с просьбой не привлекать далее фон Раумера к рассмотрению ситуации вокруг газеты. Для нас важно утверждение Клейста, что фон Раумер во время их первой встречи предложил ему «денежное возмещение за соответствующую интересам правительства ориентацию газеты и возмещение убытков за неизбежное в таком случае снижение популярности издания» (перевод наш) [10. С. 474]. Клейст не хочет выглядеть в глазах канцлера лжецом и «в случае двусмысленного или неудовлетворительного ответа фон Раумера Клейст потребует сатисфакции, каковую и должен требовать человек чести» (перевод наш) [10. С. 474]. В итоге, как уже говорилось, редактируемая и издаваемая Клейстом газета

«Berliner Abendblaetter», несмотря на все его невероятные усилия, была закрыта 30 марта 1811 г. прусскими властями. Осознавал ли сам Клейст истинные причины и запущенные механизмы по удушению газеты? Развёрнутые ответы на этот вопрос можно найти в его письмах к другу Фуке и его королевскому высочеству Вильгельму Прусскому соответственно от 25 апреля и 20 мая 1811 г. Обращаясь к «любезнейшему Фуке», Клейст сообщает, что его удерживает в Берлине ожидание решения вопроса о возмещении ущерба, вызванного «подавлением газеты» (wegen Unterdrueckung des Abendblatts). Важнейшая мысль заключалась в следующих словах: «Канцлер посредством неслыханных и граничащих с произволом цензурных строгостей вынудил меня полностью изменить дух газеты в обсуждении общественных вопросов» (перевод наш) [10. С. 482].

В письме к светлейшему принцу Клейст прямо говорит о своём справедливом требовании о возмещении ущерба и рационально объясняет причины гонений на его газету, а именно: одна заметка о принципах государственной экономики не понравилась господину канцлеру [10. С. 486]. Здесь же Клейст вновь упоминает произвол властей в применении цензурных норм, порочную практику давления на прессу или её подкупа. Клейст как редактор и журналист настаивает на совершенно иных принципах: «...если бы мне было разрешено вести газету, основываясь на полной свободе мнений и уважении к закону, как это есть при либеральном порядке вещей» (перевод наш) [10. С. 487]. Далее Клейст прямо обвиняет власти и цензурное начальство в «грубейшем произволе, неслыханнейшем давлении на газету» [10. С. 487]. Примечательно, что по сравнению с неофициальным письмом к «любезнейшему Фуке» Клейст в послании к «милостивейшему принцу» употребляет характеризующие прусскую власть прилагательные «unerhoerte und ganz willkuerliche» в превосходной степени «die willkuerlichsten und unerhoertesten»: поэт явно не признаёт высшего авторитета власти.

Настойчивые требования Клейста о восстановлении справедливости, его стремление добиваться правды и нежелание остановиться в своих требованиях – всё это повторяет ситуацию из его же исторической повести «Михаэль Кольхаас». Конец почти один и тот же: через полгода, 21 ноября 1811 г., Клейст застрелился.

Это была настоящая война без каких бы то ни было шансов на успех для Клейста: прусские власти играли с поэтом исключительно по своим правилам. О стойкости, гражданском мужестве Клейста, явно не сводимым к рутинной редакторской работе, и ныне почти не пишут. И сегодня многие исследователи читают его менее внимательно, чем французские цензоры почти двести лет назад.

Клейст издавал газету не ради хлеба насущного, а ради противостояния оккупационному режиму. Его «Берлинский вечерний листок» является важным свидетельством культурной, социальной и криминально-полицейской истории Берлина и представляет собой самостоятельное «произведение», содержательное уже подбором материала, расположением текстов сообщений. Безусловно, поучительно и для многих современных газет умение Клейста-редактора представлять читателям в течение долгих месяцев действительно волнующие и запутанно-комические сообщения – почти без комментариев –

как органические части истории родного города. Следует признать, что Клейст как редактор и журналист в высшей степени современен; это касается не только эмоционально-экспрессивных составляющих его стиля, но и профессионального умения выбирать и располагать материал на газетной полосе, обращаться с источниками информации, направлять внимание читателя посредством графических и шрифтовых выделений в тексте.

Подводя итоги, можно сказать, что редакторская деятельность Клейста позволяет зримо представить формирование в оккупированной Германии журналистики как социально ответственной практики, ориентированной на представление аудитории объективной информации, насколько возможно это было в тех подцензурных условиях.

Литература

1. Poettker H. The News Pyramid and its Origin from the American Journalism in the 19th Century // Hoyer S., Poettker H. (eds.). Diffusion of the News Paradigm 1850-2000. Goeteborg, 2005. S. 51–64.
2. Baumert D. Die Entstehung des deutschen Journalismus. Eine sozialgeschichtliche Studie. Neudruck. Baden-Baden, 2013. 186 S.
3. Brosda C. Diskursiver Journalismus: Journalistisches Handeln zwischen kommunikativer Vernunft und mediensystemischem Zwang. Wiesbaden, 2008. 429 S.
4. Welke M. Zeitung und Oeffentlichkeit im 18. Jahrhundert // Presse und Geschichte. Muenchen, 1977. S. 71–99.
5. История немецкой литературы: в 5 т. Т. 3. М., 1966. 587 с.
6. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. 568 с.
7. Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. М., 1999. 640 с.
8. Клейст Г. Избранное: Драмы. Новеллы. Статьи / пер. с нем.; вступит. ст. А. Карельского. М., 1977. 542 с.
9. Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. М., 1992. 336 с.
10. Kleist H. von: Saemtliche Werke und Briefe in vier Baenden. Hrsg. von Ilse-Marie Barth u. a. Bd. 4: Briefe von und an Heinrich von Kleist 1793–1811. Hrsg. von Klaus Mueller-Salget u. Stefan Ormanns. Frankfurt a. M., 1997. (Bibliothek deutscher Klassiker. 122).
11. Berliner Abendblaetter. Hrsg. von Heinrich von Kleist / Nachwort und Quellenregister von Helmut Sembdner. Stuttgart, 1965. 338 S.
12. Серебряков А.А., Серебрякова С.В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестн. Сев.-Кавказ. федерального ун-та. 2013. № 1 (34). С. 166–172.

HEINRICH VON KLEIST'S *BERLINER ABENDBLAETTER* IN THE CONTEXT OF THE EPOCH: ON THE FORMATION OF PROFESSIONAL JOURNALISM IN GERMANY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 6 (44). 154–166. DOI: 10.17223/19986645/44/11

Anatoliy A. Serebriakov, Olga I. Lepilkina, Svetlana V. Serebriakova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: aasereb@mail.ru / oll5@mail.ru / svetla.na@mail.ru

Keywords: history of journalism in Germany in 18th–19th cc., “publishing” newspapers, “publishing-editorial” newspapers, *Berliner Abendblaetter*, Heinrich von Kleist.

The article highlights the idea that there were two types of periodicals in Germany at the turn of the 19th c., each of which played a significant role in the formation of professional journalism. Those were publishing and publishing-editorial periodicals: the publisher was in charge of management and the financial and technical provision of issues, while the publisher-editor was in charge of the ide-

logical and creative aspects as well. “Publishing” newspapers (Verlegerzeitung) were primarily focused on financial benefits; still they contributed to shaping journalism as a professional field.

Publishing-editorial newspapers played an important role in shaping public opinion and the public in general (Oeffentlichkeit). The first daily newspaper in Berlin *Berliner Abendblätter* [Berlin’s Evening Sheet] (October 1, 1810 – March 30, 1811) edited by the poet Heinrich von Kleist was among them. It was a daily four-page tabloid. The majority of the published works were produced by Kleist, who also edited the few incoming works, texts from other periodicals and dispatches from Berlin police.

The study of the newspaper showed that under conditions of the occupation regime and strict censorship Kleist managed to make it universal by content. The most important part of the periodical was “Miscellen” [Miscellaneous], it featured political news from German and foreign newspapers which were in limited access due to the current conditions. It is revealed that Kleist published data distressing for the authorities, and gave information refuting these data. As a result, the French envoy delivered a protest against the non-loyal periodical to the Prussian Minister of Foreign Affairs.

In the beginning the business was going well. Kleist was on friendly terms with the Berlin policeman-president, referred to dispatches from Berlin police, which attracted the reader’s attention. The court clerk and publisher Julius Hitzig funded the newspaper and printed it in his printing house. Some time later the authority-poet conflict arose. It was typical of Prussia and Germany as the poet was the medium of noble values and a true patriot. For that very reason the cautious Hitzig turned his back upon Kleist as well.

The study of Kleist’s epistolary heritage reveals the story of his confrontation with censors, which resulted in financial losses. It is noteworthy that Kleist claimed that he was offered “money compensation for the opinion which was in line with government interests and for the decrease in popularity inevitable in that case”. Since December 1810, the letters more and more often feature persecution on the part of the government. “The Chancellor by means of outrageous and almost lawless censorship made me change the spirit of the newspaper regarding public issues completely”. Kleist insisted on different principles “based on the freedom of opinion and respect of law as it is supposed to be in a liberal way of things”.

Thus, Kleist’s *Berliner Abendblätter* is an example of the formation of journalism as a socially responsible practice in the occupied Germany.

References

1. Poettker, H. (2005) The News Pyramid and its Origin from the American Journalism in the 19th Century. In: Hoyer, S. & Poettker, H. (eds) *Diffusion of the News Paradigm 1850–2000*. Goeteborg: NORDICOM.
2. Baumert, D. (2013) *Die Entstehung des deutschen Journalismus. Eine sozialgeschichtliche Studie* [The emergence of German journalism. A socio-historical study]. Reprint. Baden-Baden: Nomos.
3. Brosda, C. (2008) *Diskursiver Journalismus: Journalistisches Handeln zwischen kommunikativer Vernunft und mediensystemischem Zwang* [Discursive Journalism: Journalistic action between communicative reason and media-systemic compulsion]. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
4. Welke, M. (1977) Zeitung und Oeffentlichkeit im 18. Jahrhundert [Newspaper and public in the 18th century]. In: Blome, A. & Böning, H. (eds) *Presse und Geschichte* [Press and history]. Muenchen.
5. Samarin, R.M. & Turaev, S.V. (eds) *Istoriya nemetskoy literatury v 5 tt.* [The history of German literature in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
6. Berkovskiy, N.Ya. (1973) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Voronenkova, G.F. (1999) *Put’ dlinoyu v pyat’ stoletiy: ot rukopisnogo listka do informatsionnogo obshchestva. Natsional’noe svoeobrazie sredstv massovoy informatsii Germanii* [Five-century way: from manuscript to knowledge society National features of German media]. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
8. Kleist, H. von. (1977) *Izbrannoe. Dramy. Novelly. Stat’i* [Selected Works. Dramas. Novels. Articles]. Translated from German by A. Karel’skiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Karel’skiy, A.V. (1992) *Drama nemetskogo romantizma* [The drama of German Romanticism]. Moscow: Medium.

10. Kleist, H. von. (1997) *Saemtliche Werke und Briefe in vier Baenden* [All works and letters in four volumes]. Vol. 4. Frankfurt: Deutscher Klassiker Verlag.
11. Sembdner, H. (1965) *Berliner Abendblaetter*. Ed. by Heinrich von Kleist. Stuttgart.
12. Serebryakov, A.A. & Serebryakova, S.V. (2013) Intertextuality as the interaction marker of individual author fiction systems. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta – Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 1 (34). pp. 166–172. (In Russian).